

Валдайские записки

№ 127

Турция в контексте
трансформации системы
международных отношений
и новой геополитики Евразии

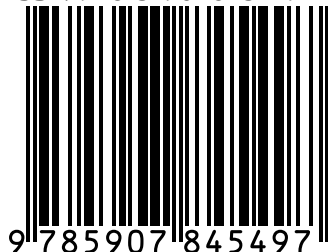
Павел Шлыков

Об авторе

Павел Шлыков

руководитель программы востоковедных исследований ИМИ МГИМО
МИД России, доцент кафедры истории стран Ближнего
и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

ISBN 978-5-907845-49-7

9 785907 845497

Данный текст и другие материалы можно найти на нашем сайте: <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2026

Российская Федерация, 127051, Москва, Цветной бульвар, дом 16/1

Содержание

- 4 Введение
- 5 Эволюция отношений с Западом:
от атлантической солидарности
к стратегическому партнёрству
- 7 Инициатива «Снова Азия»:
стратегический поворот к незападному миру
- 10 Диверсификация
азиатского вектора
- 12 Евразийский вектор:
между идеологией и прагматизмом
- 15 Заключение

Введение

Трансформация системы международных отношений, характеризующаяся движением к постзападному мироустройству, сформировала новый контекст для реализации внешнеполитического курса многих государств, в особенности расположенных в Евразии. На протяжении второй половины XX века Турция являлась неотъемлемой частью институционального пространства Запада. Однако в середине 2010-х годов произошёл концептуальный разворот: Анкара фактически отказалась от парадигмы «Запада как отправной точки», социально-политической трансформации и экономической модернизации. При этом формальные институциональные связи с Западом – членство в НАТО, Таможенном союзе с ЕС – сохранились, что создало уникальную ситуацию сочетания институциональной принадлежности к западным структурам с нарастающим стремлением к внешнеполитической автономии.

Обозначенный переход сопровождался фундаментальной ревизией концептуальных основ внешней политики, нашедшей выражение в идее примата «стратегической автономии», провозглашённой в конце 2010-х годов как ответ на усложнение международной системы и её сдвиг от однополярности к полицентричности. Экономический подъём Китая и продвижение им глобальной инициативы «Пояс и путь» стимулировали Турцию к выработке стратегии поступательного наращивания взаимодействия с азиатскими державами. В 2019 году эта стратегия была оформлена в виде инициативы «Снова Азия» (*Yeniden Asya Açılımı*). Параллельно в турецком политическом и экспертном дискурсе активно развивалось евразийское направление, распавшееся на несколько идеологических течений.

Разрыв в отношениях России и Запада, в свою очередь, создал для Турции уникальную ситуацию, характеризующуюся и новыми политико-экономическими возможностями, и новыми внешнеполитическими дилеммами.

Эволюция отношений с Западом: от атлантической солидарности к стратегическому партнёрству

Основатели Турецкой Республики в 1920-е годы рассматривали европеизацию и прозападную внешнеполитическую ориентацию как императив развития страны. В период холодной войны Турция закрепила в роли полноправного члена ключевых западоцентричных организаций – НАТО, Совета Европы, ОЭСР. Переговорный процесс о вступлении в ЕС в 1990–2000-е годы стал символом неизменной евроатлантической перспективы Турции.

Перелом наступил в 2010-е, когда на фоне забуксовавшего диалога с Брюсселем Анкара начала демонстрировать успехи в диверсификации внешнеполитических связей. Ключевыми вехами этого процесса стали:

- приобретение статуса диалогового партнёра ШОС (2012) – первый подобный случай для страны НАТО;
- запуск проекта «Турецкий поток» (2014);
- контракт на закупку российских зенитно-ракетных комплексов С-400 (2017);
- приобретение китайским *Alibaba* турецкой платформы онлайн-торговли *Trendyol* (2018) – тогда это была крупнейшая сделка в интернет-секторе Турции.

Попытка государственного переворота 15 июля 2016 года обозначила контуры углубляющегося кризиса взаимопонимания с Западом. Отказ США в экстрадиции известного турецкого проповедника Фетхуллага Гюлена, а также критика со стороны европейских и американских

политиков в адрес мер безопасности, предпринятых турецкими властями, воспринимались Анкарой как свидетельство нелояльности союзников и даже больше – как косвенное доказательство того, что в США не только знали о готовящемся перевороте, но и потенциально могли его поддержать. Расхождение в подходах к оценке событий 2016 года – приоритетность прав человека со стороны Запада против общественной безопасности со стороны Турции – усугубило взаимное недоверие.

Существенный раскол внёс сирийский кризис. Поддержка Западом курдских формирований *YPG/PYD*, которые Турция считает связанными с Рабочей партией Курдистана (РПК), вступила в прямое противоречие с турецкими интересами национальной безопасности.

В отличие от западных партнёров, Россия проявила большее понимание озабоченностей Анкары, что позволило Турции провести на севере Сирии три военных операции – «Щит Евфрата» (2016), «Оливковая ветвь» (2018) и «Источник мира» (2019), а совместные переговорные усилия трёх стран – Турции, России и Ирана в рамках астанинского формата – во второй половине 2010-х годов дали возможность добиться там относительной стабилизации обстановки. Одновременно происходило дистанцирование Турции от действий стран Запада в Сирии.

Отдельный комплекс противоречий сложился в Восточном Средиземноморье. Проект газопровода *EastMed*, согласованный Израилем, Кипром и Грецией при поддержке США и Франции, был воспринят Турцией как игнорирующий её интересы и интересы Северного Кипра. В ответ в ноябре 2019 года Анкара подписала Меморандум о разграничении морской зоны с Ливией. Тем самым Турция, с одной стороны, оказала политическую поддержку правительству Триполи, а с другой – продемонстрировала то, что её подход к разрешению противоречий в Восточном Средиземноморье опирается на международно-правовые инструменты в противовес апелляции Греции к Севильской карте. Помимо противоречий с ЕС по поводу поддержки Евросоюзом Греции в вопросе разграничения в Восточном Средиземноморье, у Турции возникла напряжённость и в отношениях с США по поводу американского военного присутствия в Греции. В 2021 году США и Греция подписали протокол о внесении изменений в оборонное соглашение от 1990 года, расширив

количество американских военных баз до восьми, а в 2022 году была достигнута договорённость о продлении базирования американских военных в Греции сразу на пять лет вперёд (до этого соглашение продлевалось на ежегодной основе).

Позиции Турции и западных союзников кардинальным образом разошлись по ситуации на Украине (после начала специальной военной операции России в феврале 2022 года) и в Палестине (после обострения палестино-израильского конфликта в октябре 2023 года). В случае с Украиной Турция, в противовес санкционной политике Запада, сохранила каналы коммуникации с Москвой, выступила в роли посредника и отказалась от присоединения к санкциям, получив существенные политические и экономические дивиденды. В палестинском вопросе Анкара заняла позицию, противоположную западным союзникам, выступив с поддержкой исламского единства.

Кроме значительного количества региональных векторов, по которым позиции Турции, с одной стороны, и США и ЕС, с другой стороны, к началу 2020-х годов существенным образом разошлись, стоит также отметить более высокий уровень разногласий. Он связан с позицией Турции по вопросу реформы Совета Безопасности ООН (лозунг «Мир больше пяти»), которая, с турецкой точки зрения, должна отражать всё более видимо проявляющуюся многополярность международной системы.

Инициатива «Снова Азия»: стратегический поворот к незападному миру

Инициатива «Снова Азия» (*Yeniden Asya Açılımı*), объявленная в 2019 году министром иностранных дел Мевлютом Чавушоглу, стала символическим оформлением долговременной тенденции к наращиванию взаимодействия с азиатскими державами. Ещё в 2005-м была принята «Стратегия по улучшению торгово-экономических отношений

с АТР» (*Asya-Pasifik Ülkeleri ile Ticari ve Ekonomik İlişkileri Geliştirme Stratejisi*), которая привела к интенсификации диалога на высшем уровне между Турцией и странами Восточной Азии. В 2012 году, как уже отмечалось ранее, Турция стала первой и единственной страной НАТО, получившей статус диалогового партнёра ШОС, то есть формализовавшей и институционализировавшей отношения с Россией и Китаем.

Драйверами турецкого поворота к Азии были:

- глобальный тренд смещения экономической и политической динамики в Азию;
- провал политики «ноль проблем с соседями», приведший к напряжённости с ключевыми региональными игроками;
- заинтересованность турецкого бизнеса в диверсификации внешних рынков;
- стремление избежать избыточной зависимости от западных партнёров.

Экономические результаты поворота впечатляют: совокупный товарооборот со странами Азии вырос с 8,2 миллиарда долларов в 2000 году до 110 миллиардов долларов в 2023 году, продемонстрировав почти четырнадцатикратный рост.

Отношения с КНР стали стержнем азиатского вектора Турции. После повышения уровня отношений до стратегического партнёрства в 2010 году произошла заметная эволюция в подходах Анкары к уйгурскому вопросу – от резких обвинений к поддержке политики «одного Китая».

Китай предоставил Турции существенную поддержку в кризисные периоды. Она выражалась в следующем:

- дипломатическая поддержка после попытки переворота в 2016 году;

- кредиты на 3,6 миллиарда долларов во время валютного кризиса 2018 года (китайский *Industrial and Commercial Bank of China* предоставил правительству Турции 3,6 миллиарда долларов в виде кредитов для текущих энергетических и транспортных проектов);
- валютные свопы в 2019 году (после крайне неудачных для режима Эрдогана муниципальных выборов 2019 года, утраты контроля над столичными Анкарой и Стамбулом ЦБ Китая выделил Турции ещё 1 миллиард долларов в соответствии с соглашением 2012 года);
- разрешение использовать турецким компаниям, страдавшим от нехватки валюты, лиры и юань для торговых расчётов в период пандемии *COVID-19*.

В рамках инициативы «Пояс и путь» реализуются масштабные проекты:

- приобретение китайским консорциумом контрольного пакета акций порта Кумпорт (2015);
- строительство ТЭС Хунутлу стоимостью 1,7 миллиарда долларов;
- проект высокоскоростной железнодорожной линии Карс – Эдирне;
- инвестиции в размере 5 миллиардов долларов в «Фонд благосостояния Турции» (2020).

Китайские компании глубоко интегрировались в турецкую экономику: *Alibaba* приобрела *Trendyol* (2018), *Huawei* и *ZTE* существенно нарастили присутствие на рынке телекоммуникаций.

Развивалось и военно-техническое сотрудничество, включая участие ВВС Китая в учениях «Анатолийский орёл» (2010) и совместную разработку ракетных технологий. С 2011 года стороны начали практиковать

периодические обмены визитами военно-морских кораблей. В 2013 году Китайская корпорация по импорту и экспорту высокоточного оборудования выиграла тендер на совместное производство ракет большой дальности на 4 миллиарда долларов. При этом Турция отклонила предложения американских, европейских и российских компаний и выбрала партнёра, находящегося в санкционном списке США. Однако здесь дали знать о себе ограничения: под давлением западных союзников Турция пять раз переносила дату запуска проекта, а в 2015 году от него отказалась «в связи с планами запустить национальный проект по производству ракет».

Несмотря на интенсивное взаимодействие, в турецко-китайских отношениях сохраняются структурные противоречия:

- значительный дефицит торгового баланса в пользу Китая (свыше 20 миллиардов долларов);
- конкуренция в производстве текстиля, бытовой техники и БПЛА;
- сохраняющиеся расхождения по сирийскому урегулированию.

Диверсификация азиатского вектора

Стратегия Турции в Азии не сводится исключительно к сотрудничеству с Китаем. Активно развиваются отношения с Японией, Южной Кореей и странами АСЕАН.

С **Японией** у Турции сформировалась длительная история плодотворного сотрудничества в разных областях. В 2009 году турецко-японский консорциум *Dubai Rapid Link* осуществил строительство дубайского метро. Подводный железнодорожный тоннель под проливом

Босфор *Marmaray* (запущен в 2013 году) и один из самых длинных в мире подвесных мостов, названный в честь первого правителя Османского государства Османа-гази, через Измитский залив (открыт в 2016 году) построены с привлечением инвестиций из Японии. Турецкий телекоммуникационный спутник *Türksat 4A* (запущен в 2014 году), обеспечивающий телевидение и широкополосную связь на территории Турции, в Европе, Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке, изготовлен японской компанией *Mitsubishi Electric* по заказу турецкой спутниковой компании *Türksat A.Ş.* В энергетической сфере в 2014 году создан консорциум японской *Kawasaki Heavy Industries* и турецкой *Rönesans Holding*.

С **Южной Кореей** активно развивается сотрудничество в разных сферах. В Турции активно работают южнокорейские компании *SK Engineering and Construction, Hyundai Motors, Samsung, LG, Hanwha Q-cells, Daelim Industrial, GS E&C*. В 2012 году Турция и Южная Корея подписали соглашение о создании зоны свободной торговли, а в 2013 году это соглашение вступило в силу. В 2015-м оно было дополнено соглашением о либерализации торговли услугами и инвестиционным соглашением (вступили в силу в 2018 году). В 2021-м центральные банки Турции и Республики Кореи подписали соглашение о свопах.

Со **странами АСЕАН** у Турции установлены отношения стратегического партнёрства (с Индонезией, Малайзией, Сингапуром). В августе 2017 года Турция получила статус секторального диалогового партнёра АСЕАН. К этому моменту Турция открыла посольства во всех странах ассоциации (последним стало приступившее к работе в 2017 году турецкое посольство в Лаосской Народно-Демократической Республике).

Важным фактором успеха азиатского вектора стала поддержка со стороны турецкого бизнес-сообщества, в частности Ассоциации независимых промышленников и предпринимателей (*MÜSİAD*), которая в отличие от ориентированной на Запад *TÜSİAD* последовательно выступала за расширение присутствия на азиатских рынках.

Евразийский вектор: между идеологией и прагматизмом

Турецкий поворот к Азии закономерно сопровождался ростом интереса к евразийской интеграции. Идеологический спектр турецкого евразийства достаточно широк и включает несколько течений.

Левое евразийство опирается на интеллектуальное наследие кемалистов-социалистов 1930–1960-х годов и характеризуется антиимпериалистической, антизападной риторикой. Его представители (например, Догу Перинчек и его последователи) выступают за построение «оси евразийской интеграции» вместе с Россией. Это течение имеет влияние в оппозиционных медиа (газета *Sözcü* или телеканал *Tele1*, интернет-издания *OdaTV* и *VeryansinTV*) и пользуется поддержкой части военной элиты, включая авторов концепции «Голубая Родина» (*Mavi Vatan*) адмиралов Джихата Йайджи и Джема Гюрдениза, предложивших кратко расширить юрисдикцию Турции в Средиземном, Чёрном и Эгейском морях до 462 тысяч квадратных километров.

Пантюркистское евразийство основывается на идее интеграции тюркских народов под эгидой Турции. Его сторонники есть как во властном лагере (Партия националистического действия), так и в оппозиции. Они рассматривают Организацию тюркских государств (2021) как инструмент консолидации тюркского мира.

Исламское евразийство вдохновляется наследием панисламизма и идеями неоосманизма и исходит из того, что Турция как «центральная держава исламского мира» должна принять на себя миссию по сплочению стран Ближнего Востока, Северной Африки и Евразии. Попытку практической реализации идей исламского евразийства

можно увидеть в деятельности политических партий движения Национального взгляда (*Millî Görüş*) Неджеметтина Эрбакана, автора концепции «Справедливого порядка» (*Adil Düzen*), предполагавшей выработку альтернативной внешней политики, сочетающей национальные интересы с приверженностью исламским ценностям и отказом от «порочной практики идти на поводу у Запада». Его практическим воплощением стал проект альтернативы *G7* – «восьмёрки развивающихся мусульманских стран» (*M8* или *D8* – “*Developing Eight*”), Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Малайзия, Нигерия, Пакистан и Турция. Учредительный съезд группы *D8* состоялся в Стамбуле 15 июня 1997 года – за две недели до отставки Эрбакана.

Прагматическое евразийство, доминирующее в официальной политике ПСР, определяется в первую очередь торгово-экономическими и энергетическими интересами. Оно предполагает наращивание сотрудничества с Россией, Китаем и странами Центральной Азии без идеологической ригидности.

Полифонию турецкого евразийства хорошо иллюстрирует наличие в нём диаметрально противоположных течений – как антизападных, так и прозападных.

Прозападное евразийство в своё время проявилось в риторике Тургутта Озала и Сулеймана Демиреля о «турецкой модели» как образце успешного сочетания рыночной экономики, либеральных политических институтов и приверженности тюрко-исламским ценностям, которую должны были взять на вооружение постсоветские республики Центральной Азии и Кавказа. США в 1990-е годы активно поддерживали идею трансферта «турецкой модели», считая Турцию как страну – члена НАТО удобным инструментом для «правильной трансформации постсоветского пространства». География *прозападного евразийства* включала в это понятие и Балканы, поэтому его практической реализацией стало создание в июне 1992 года Организации черноморского сотрудничества (ОЧЭС). С охлаждением

интереса лидеров центральноазиатских стран к «турецкой модели» во второй половине 1990-х годов – на фоне жесточайшего финансового кризиса в Турции – прозападное направление турецкого евразийства себя исчерпало.

Евразийство периода второй половины 1990-х годов характеризовалось усилением прагматических подходов. Новые трактовки евразийской повестки внешней политики исходили из того, что Евразия – не конечная цель, а «промежуточная остановка на пути в Евросоюз». На рубеже 1990-х и 2000-х годов прагматизм подходов к евразийству ощутимо возрос пропорционально повышению геэкономических интересов Турции в регионе. Появление разнообразных проектов энергетических коридоров по транспортировке ресурсов из тюркских республик на внешние рынки через территорию Турции задало условия для пересмотра подходов к евразийскому пространству, ставшему самостоятельной геэкономической ценностью. В 2000-е годы с приходом к власти Партии справедливости и развития Реджепа Тайипа Эрдогана к сугубо экономическим интересам добавились политико-идеологические смыслы, но не в форме возврата к старым пантюркистским идеям, а в виде вычерчивания новой системы ценностных координат. Сближение с Россией, а затем и с Китаем, наращивание взаимовыгодного сотрудничества были одной из важных составляющих этого периода развития концепта Евразии в Турции, однако доминантой стала новая стратегия внешней политики с ностальгией по имперскому прошлому и реминисценциями «османского геополитического пространства». Идеология не вытеснила геэкономический прагматизм и нацеленность на проведение собственных экономических интересов.

Всё это иллюстрирует активизацию поиска Турцией альтернатив идее политической и экономической европеизации, некогда бывшей доминантой ценностных установок турецкой элиты. Также это подтверждает, что степень понимания в турецком обществе новых международных реалий, требующих реорганизации внешней политики и внешнеэкономических связей с акцентом на сотрудничество на пространстве Большой Евразии, высока.

Заключение

В первой четверти XXI века Турция демонстрирует уникальную модель адаптации к трансформирующейся международной системе и новому геополитическому раскладу в Евразии. Сохраняя институциональные связи с Западом, Анкара последовательно наращивает стратегическую автономию через диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей в Евразии.

Ключевыми факторами этой трансформации стали:

- углубление разногласий с США и ЕС по широкому кругу вопросов (сирийский кризис, курдский вопрос, Восточное Средиземноморье);
- глобальный сдвиг экономической и политической динамики в Азию;
- прагматические интересы турецкого бизнеса, ориентированного на новые рынки;
- идеологический плюрализм, предоставивший альтернативные модели внешнеполитической ориентации.

Инициатива «Снова Азия» и развитие евразийского вектора позволили Турции не только компенсировать напряжённость в отношениях с Западом, но и занять особую нишу в формирующейся многополярной архитектуре. Сохраняя формальную принадлежность к западным институтам, Турция де-факто проводит независимую многовекторную политику, извлекая выгоду из конкурентной динамики между старыми и новыми центрами силы.

В ближайшей перспективе маловероятен радикальный разрыв Турции с НАТО или западными структурами. Однако её особая позиция в рамках «коллективного Запада», сочетающая элементы интеграции и стратегической автономии, будет оставаться устойчивым трендом, позволяющим Анкаре в полной мере использовать свои внешнеполитические возможности в условиях глобальной турбулентности.

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

 Valdai_Club

 valdaiclub

 valdaiclub

 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»

 valdaiclubcom

admin@valdaiclub.com